дую эпоху имели место попытки затмить славу классиков, и каждая такая попытка заканчивалась неудачей:

Не можно превзойти великого пиита;
Но тщетность никогда величием не сыта.
Лукан Вергилия превысити хотел,
Сенека до небес с Икаром возлетел,
«Евгении» ли льзя превысить «Мизантропа»,
И с «Ипермнестрою» сравнительна ль «Меропа»?

(с. 359—360)

Сумароков последователен в своих оценках. От античности он переходит к современности, ополчаясь на Бомарше, на соперника Вольтера — Кребийона. Его раздраженные нападки на «слезную драму», вызванные успехом постановки в Москве драмы Бомарше «Евгения», сменяются прямой ссылкой на Вольтера, который в своем письме к автору вежливо соглашался с осуждением крайностей драматургических новаторов. Как теоретик классицизма Сумароков резко осуждает смешение в драме трагического и комического, сравнивая новый жанр с «лошаком» (мулом).

Таково в общих чертах содержание первой части сатиры. Какие предварительные выводы можно сделать о ее целевой направленности? Ясно, что объектом нападок Сумарокова являются не вообще абстрактные бездарные поэты («худые рифмотворцы»), а, по-видимому, какие-то конкретные авторы. Сумароков имеет в виду прежде всего одописцев, создателей «пухлых од», и «невеж», берущихся за переводы. Кроме того, ополчаясь на подражателей, Сумароков явно метит в тех, кто в желании сравняться с поэтами прежних времен если и не претендует превзойти их, то по крайней мере хотел бы разделить лавры предшественников. Этот мотив повторяется при переходе ко 2-й части сатиры, где автор, как бы возвращаясь к зачину, вновь обрушивается на несмысленных певцов в выражениях, исполненных своеобразной патетики и сарказма:

Умолкни тот певец, кому несвойствен лад,
Покинь перо, когда его не вкусен склад,
И знанья малого не преходи границы;
Вергилий должен петь в дни сей императрицы,
Гораций возгласит великие дела:
ЕКАТЕРИНА век прекрасный нам дала.

(с. 360)

Имена Вергилия и Горация в этом связующем обе части сатиры пассаже воспринимаются в контексте всего произведения как опорные сигналы, ключи к пониманию авторской мысли.

Вторая часть сатиры, следующая сразу после приведенного пассажа, озадачивает своей резкой контрастностью со стилем и содержанием предыдущих стихов:

Восторга нашего пределов мы не знаем:
Трепещет Отоман, уж Россы за Дунаем.
Под Бендером огнем покрылся горизонт,
Колеблется земля и стонет Геллеспонт;